

ВѢСТНИКЪ
ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУСТВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. И. СОМОВА

ТОМЪ, ЧЕТВЕРТЫЙ

1886

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА, В. О., 2 лин., 7.

1886

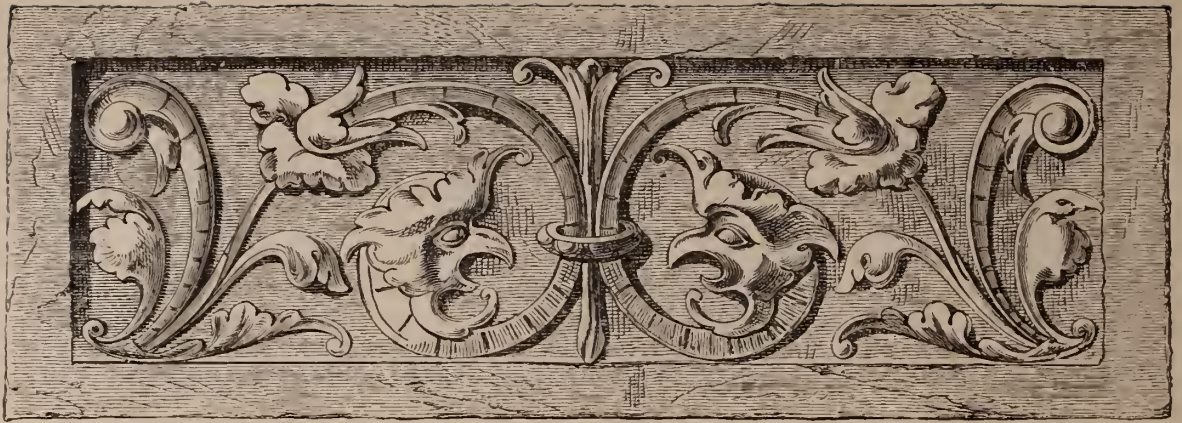
Printed in Russia

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ТЕКСТЪ:

	Стр.
Н. В. Султанова, Хмерское искусство	I, 421
М. П. Соловьева, Микель-Анджело Буонарроти, XI—XIV	25
Е. М. Гаршина, Очеркъ исторіи русской живописи по финифти	68
П. Я. Аггеева, Возобновленіе масляной живописи	79
Э. Франтца, Тайная Вечеря Ліонардо да-Винчи.	113, 233, 375, 434
Н. Д. Ахшарумова, Пути и двигатели пластическихъ искусствъ въ доисто- рической періодъ	138
Б. К. Веселовскаго, Современные французскіе художники. Ж. Л. Э. Мейссонье.	165
А. Д. Бутовскаго, По поводу ученій о красотѣ формъ въ изобразитель- ныхъ искусствахъ	184
Е. М. Гаршинъ, Первые шаги академическаго искусства въ Россіи (1716—1730)	197
Э. Аспелина, Большая чаша Боргоскаго собора	218
В. В. Чуйко, Дорафаелисты и ихъ послѣдователи въ Англіи.	271, 339
Л. А. Санкетти, Обзоръ главныхъ основъ эстетики	315
В. В. Стасова, Русская деревянная архитектура въ Галиціи	332
П. А. Аггеева, Техническія замѣтки по живописи.	391, 450

ПУТИ И ДВИГАТЕЛИ ПЛАСТИЧЕСКИХЪ ИСКУСТВЪ

ВЪ ДОИСТОРИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Статья Н. Д. Ахшарумова.

I.

Какъ извѣстно, высокія степени знанія и искусства не достигаются сразу единоличнымъ усиленіемъ человѣка, а составляютъ плодъ дружной работы многихъ, содѣйствующихъ другъ другу, или преемственно продолжающихъ начатое дѣло, людей. Путь, ими прокладываемый въ тѣхъ періодахъ исторіи, гдѣ отъ него остались слѣды, конечно, доступенъ для изученія; но прослѣдить его отъ извѣстной, достигнутой въ историческую эпоху, ступени, обратно, до первыхъ шаговъ, съ которыхъ онъ начался,—задача не легкая.

Въ дѣлѣ пластическаго искусства, однако, трудность эту нельзя себѣ объяснять отсутствіемъ фактовъ, которые мы могли бы признать очевидно первыми и младенческими еще шагами. Чтобы не далеко ходить,—мы ихъ видимъ въ лошадакахъ и человѣчкахъ, ко-

торыхъ даже въ глуши и въ крестьянскомъ быту даровитыя дѣти нерѣдко чертятъ палочкой на пескѣ, или уголькомъ на двери; но эти шаги не связаны между собой живою связью и гложуть безслѣдно, какъ сѣмена, упавшія на дорогу. Къ несчастію, на вопросъ: чего имъ не достаетъ, чтобы пустить ростки и оставить послѣ себя прогрессирующее потомство, или иначе, какіе факторы необходимы, чтобы обратить ихъ въ зачатки преемственного развитія,—исторія не дастъ прямого отвѣта, и мы должны искать его на другомъ пути.

Люди, въ доисторическій періодъ существованія человѣчества, первоначально вынуждены были къ труду желѣзной необходимостью; защита отъ непогоды, отъ стужи сѣверныхъ странъ и палящаго солнца южныхъ, отъ хищныхъ звѣрей и другихъ непріятелей, и добыча средствъ къ существованію стояли необходимо на первой очереди въ числѣ ихъ нуждъ. Но такъ какъ не было ни одной изъ нихъ, которую можно бы было удовлетворить вполнѣ одними данными человѣку природой способами, то, очевидно, первой и самою неотложной задачей человѣческаго труда должны были быть орудія рыбной ловли, охоты или войны: веревка, съ ея усложненіемъ, сѣтью; дубина, потомъ обратившаяся въ копье, съ дальнѣйшимъ его усовершенствованіемъ, стрѣлами; камень, потомъ обращенный въ молотъ, или въ топоръ, и праща. Покуда человѣкъ не успѣлъ пріобрѣсти себѣ этихъ пособниковъ, онъ, разумѣется, не имѣлъ и дома, въ смыслѣ искусственно-созданнаго жилья, его и замѣняли ему деревья съ естественнымъ ихъ навѣсомъ, или пещеры. Какъ далеко отъ насъ это время, о томъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ археологія. Стараніями ея, на примѣръ, доказано, что первобытный дикій, существовавшій охотой и рыбной ловлею, житель Европы былъ въ этой странѣ современникомъ мамонта и мохнатого носорога, пещерной гіены, пещернаго льва, медвѣдя и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ породъ, которыя, съ незапамятныхъ временъ, или вымерли, или, гонимыя медленнымъ измѣненіемъ климата, переселились на Сѣверъ (какъ, на примѣръ, полярный олень, тогда несомнѣнно жившій еще во Франціи). Доказано также, что этотъ древнѣйшій житель Европы въ ту пору еще не зналъ металловъ, что онъ выдѣлывалъ инструменты свои и оружіе изъ камня, дерева, раковинъ, рога, костей; что онъ не имѣлъ посуды и не держалъ домашнихъ животныхъ, не приручилъ еще даже собакъ и, наконецъ, дѣйствительно не имѣлъ искусственнаго жилья. А между тѣмъ, въ пещерахъ, служившихъ ему убѣжищемъ, на примѣръ въблизи Перигора, во Франціи (департ. Дордонь), между

другими слѣдами его несомнѣннаго пребыванія найдено немало вещей, свидѣтельствующихъ, что онъ уже былъ (въ младенчески-ограниченномъ смыслѣ, конечно) знакомъ съ искусствомъ. Это—графическія изображенія большею частью хорошо знакомыхъ ему, по его обыденной жизни, животныхъ, вырѣзанныя на камнѣ или на кости какимъ-нибудь острымъ орудіемъ, нѣкоторыя даже съ попыткой тушовки*). Слѣдовательно, безсвязныя и младенческія начала графическаго искусства, а частію и скульптуры, по времени совпадаютъ съ древнѣйшими археологическими слѣдами существованія на землѣ человѣка, и это—весьма поучительный фактъ, особенно если представить себѣ, какого труда должны были стоить ему эти изображенія. Трудъ этотъ прежде всего былъ невынужденный, и продуктъ его, очевидно, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, имѣлъ характеръ чего-то ненужнаго, лишняго, что повидимому не только не отвѣчало насущнымъ его потребностямъ, но напротивъ служило даже какъ-будто въ ущербъ имъ. Но именно этотъ бросающійся въ глаза характеръ досужества и ненужности представляетъ намъ истинно человѣческую черту, какъ первый задатокъ освобожденія. Было, значить, у человѣка искони нѣчто, что побуждало его работать безъ всякой необходимости, и это нѣчто не внѣ его, а внутри. То былъ избытокъ творческой силы, бродившій въ душѣ, т. е. именно то зерно свободной дѣятельности, изъ котораго долженъ былъ вырасти потомъ весь необъятный міръ искусства.

Далѣе, съ усложненіемъ и успѣхомъ труда въ житейскомъ быту, являются и постройки, которыя составляютъ уже значительный шагъ впередъ на пути техническаго прогресса, хотя и чуждаго еще, вначалѣ, изящной цѣли. Чтобы оцѣнить этотъ шагъ, надо принять во вниманіе, что рисунокъ, въ его младенческомъ видѣ (а въ счастливыхъ случаяхъ даже и выпуклое воспроизведеніе видимаго), можетъ явиться, какъ тѣ лошади и человѣчки, которыхъ дѣти рисуютъ и въ наше время безъ всякаго замысла и техническаго умѣнья, просто въ силу пластической памяти и невольнаго, безсознательнаго отвѣта рукою тому, что дѣлается внутри нихъ. Дитя, безъ всякой внѣшней необходимости или примѣра, повинувшись лишь смутному внутреннему влеченію, отвѣчаетъ рукою

*) Замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ образчикъ, однако, скульптурный. Это—кинжалъ, выдѣланный изъ рога сѣвернаго оленя, съ рукояткой, изображающей, сколько можно судить по нѣкоторымъ деталямъ, именно это животное (Sir John Lubbock. Prehistoric Times. London, 1865 pg. 254. Съ рисункомъ).

на то, что рисуется уже само собою въ его представленіи, и въ результатѣ выходитъ нѣкоторое подобіе хорошо знакомыхъ ему предметовъ. Если смотрѣть на эту его попытку безъ предубѣжденій, то нельзя не понять, что контуръ, въ его первобытной, безхитростной формѣ, чуждой еще понятія о перспективѣ, не требуетъ никакой работы ума въ смыслѣ абстракціи, потому что контуръ отдѣляетъ изображаемую фигуру отъ фона именно такъ, какъ она отдѣляется на ретинѣ глаза: линіей, или чертой. Но самый простой шалашъ, а тѣмъ болѣе хижина, требуютъ уже соображенія формы задуманнаго предмета съ его цѣлью и съ тѣми средствами исполненія, какія имѣются налицо, или какія надо еще добыть. Цѣль эта, впрочемъ, на первыхъ шагахъ строительнаго искусства опредѣляется только грубой житейской необходимостью, и ей незнакомы еще тѣ, болѣе тонкія, побужденія, которыя заставляютъ искать въ постройкѣ, какъ и при выдѣлкѣ первыхъ орудій труда, красивой формы.

Однако по мѣрѣ того, какъ растутъ техническое умѣнье и ловкость въ пріемахъ работы, является потребность орнаментации, заставляющая искать во всей обстановкѣ жизни—въ одеждѣ, въ домашней утвари и посудѣ, въ орудіяхъ механическаго труда и въ оружіи, а затѣмъ и въ постройкахъ—извѣстной пропорціи, симметріи, извѣстныхъ эффектовъ при сочетаніи линій и красокъ, ласкающихъ глазъ. Эта потребность и формы, въ которыхъ она выражается, относятся къ зрѣлому творческому искусству, какъ первый невнятный лепетъ младенца относится къ осмысленной рѣчи взрослого; переходъ между ними, какъ-бы онъ ни казался издали простъ, на дѣлѣ до крайности сложенъ и представляетъ собою медленный нравственный ростъ. Другими словами, проходятъ долгіе періоды умственнаго и нравственнаго развитія, и весь бытъ народа часто успѣваетъ преобразиться, прежде чѣмъ въ немъ просыпается тотъ духъ, помимо котораго въ дѣлѣ искусства нѣтъ и не можетъ быть настоящаго творчества. Къ исходу этого времени, образъ новыхъ вещей въ глазахъ человѣка пріобрѣтаетъ мало-по-малу двоякій смыслъ: одинъ совпадаетъ всецѣло съ значеніемъ ихъ въ обыденной, практической жизни; другой говоритъ обо всемъ, что связано косвенно съ представленіемъ ихъ въ душѣ человѣка, и что, въ процессѣ вѣками сложившейся ассоціаціи, захватываетъ нерѣдко все поле его міровоззрѣнія. Онъ говоритъ о важныхъ событіяхъ родовой и народной жизни, о людяхъ, игравшихъ въ нихъ главную роль, о горѣ и радости, о страхѣ и ожиданіи, о надеждахъ и

вѣрованіяхъ его, въ ту пору еще нераздѣльно связанныхъ со счастьемъ и несчастьемъ, съ міровоззрѣніемъ и вѣрованіями всего народа. И въ силу того, что онъ говоритъ, въ связи со всѣмъ строемъ мыслей и чувствъ, который онъ пробуждаетъ въ душѣ, этотъ образъ становится *символомъ*. Такъ, напримѣръ, собственный домъ человѣка, быть можетъ, — не болѣе какъ простая, крытая тростникомъ, мазанка, съ рогожей или съ звѣриною шкурою, замѣняющею дверь, и такая, мазанка, понятно не говоритъ душѣ его ничего особеннаго. Но по близости есть другое зданіе, далеко не похожее на простое жилище. Это — «опочивальня», устроенная надъ прахомъ родоначальника или главы народа, своимъ видомъ она заставляетъ человѣка глубоко задумываться, напоминая ему объ исходѣ изъ обыденной, знакомой жизни въ какой-то другой, невидимый и невѣдомый міръ, о которомъ въ народѣ ходятъ таинственныя догадки, украшенныя нерѣдко фантастическими разсказами, потому что никто въ народѣ не думаетъ, чтобы жизнь человѣка могла прекратиться безслѣдно послѣ того, какъ онъ заснетъ повидимому послѣднимъ сномъ. Сонъ этотъ, правда, глубже обыкновеннаго, и почившій не дышетъ, не шевелится, но тѣмъ не менѣе, это — все-таки сонъ, и причины его ясны. Невидимый, но присущій во всякомъ товарищѣ, или двойникъ, покинулъ его. Но онъ покидалъ заснуващаго человѣка и прежде, подобнымъ же образомъ, и, оставляя его безъ чувствъ, безъ движенія, самъ уходилъ куда-то. Въ томъ, что онъ уходилъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, ибо покинутый имъ, проснувшись, потомъ вспоминалъ, что онъ не лежалъ все время въ безчувственномъ состояніи, а былъ въ разныхъ, нерѣдко далекихъ, мѣстахъ, видѣлъ людей, разговаривалъ съ ними, ѣлъ, пилъ, охотился. Очевидно, что это — не онъ, лежавшій безъ чувствъ, а другой, невидимо въ немъ пребывающій, уходилъ; теперь, когда онъ проснулся, этотъ двойникъ его уже въ немъ, хотя и дѣлится отъ него иногда, провожая его въ видѣ чего-то неуловимаго, темнаго, что ползетъ за нимъ по землѣ. И вотъ, наконецъ, этотъ тайный, незримый жилецъ, этотъ неуловимый спутникъ, тѣнь человѣка, или, какъ иначе называютъ, дыханіе его, духъ, покинулъ его въ послѣдній разъ, уже не на ночь, а на гораздо болѣе долгій и никому неизвѣстный срокъ.... Покинулъ, но вѣра, (поддерживаемая такими явленіями, какъ обморокъ, летаргическій сонъ, и проч.), что онъ существуетъ и можетъ, если захочетъ, вернуться пожалуй, даже и посѣщаетъ оставленнаго, ночью порою, тайно и на короткій срокъ, заставляетъ людей беречь остатки

почившаго, какъ святыню. И съ этой цѣлью, надъ ними устранивается нѣчто, совсѣмъ не похожее на другое жилье,—устраивается эта опочивальня, куда вдова и дѣти усопшаго, или другая родня, приносятъ на ночь жертву свою, заботливо удѣляемую изъ ихъ достатка, пищу, питье, и гдѣ хранятся одежда, оружіе, утварь почившаго, на тотъ случай, если они ему вдругъ понадобятся. И все это важно въ глазахъ народа, связано съ самыми задушевными вѣрованіями его, съ самыми дорогими надеждами. Понятно, что, при постройкѣ такой опочивальни, весь этотъ простодушный, но прочно сложившійся и унаслѣдованный вѣками отъ предковъ строй представленій не могъ до извѣстной степени не сказаться въ формѣ строенія, хотя, разумѣется, эта форма должна была прежде всего отвѣчать своей непосредственной цѣли — прочности и защитѣ отъ солнца и непогоды. Нужны были непременно, стало быть, кровля и крѣпкіе, врытые въ землю, столбы для поддержки ея; нужны были стѣны, отверстія сверху для свѣта, или для выхода дыма, когда въ честь почившаго будутъ жечь благоуханіе или жарить мясо, ему приносимое; нужны были входъ и жертвенникъ, чтобы класть на него приношенія. Были такимъ образомъ условія, ставившія предѣлъ свободному выбору зодчаго, и, повинувшись имъ, онъ не могъ дать зданію форму, которая выражала бы непосредственно то другое, болѣе важное, чтó съ нимъ связано въ мысляхъ людей. Тѣмъ не менѣе, форма и въ этихъ предѣлахъ вышла внушительною. Размѣры постройки, просторъ внутри ея, стройныя линіи стѣнъ столбовъ, таинственный полумракъ внутри — все возбуждаетъ въ семьѣ почившаго и въ народѣ, котораго онъ былъ главою, извѣстное, соотвѣтствующее его задачѣ, душевное настроеніе, въ силу котораго вещь говоритъ не сама о себѣ, а о чемъ-то другомъ, гораздо болѣе важномъ, на что она служитъ намекомъ. И это — громадный шагъ, свидѣтельствующій, что на пути развитія зарождающагося искусства сложились уже два мощныхъ двигателя: одинъ—вѣра народа, связующая его въ одно недѣлимое цѣлое, внутреннюю, духовною связью, вѣра въ невидимый міръ, куда уходитъ по смерти духъ человѣка; другой—дѣло рукъ его, косвенно, но внушительно и наглядно, свидѣтельствующее объ этой вѣрѣ: *прообразъ и символъ* ея.

II.

Съ развитіемъ первобытной вѣры, растетъ и духовный міръ, ею созданный. Предки, переселяясь въ него изъ видимой жизни и наполняя его, образуютъ въ немъ, мало-по-малу, цѣлыя поколѣнія, съ ихъ мнѣической родословною и выходящую изъ границъ человѣческой мѣры іерархію властей и могуществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя милостивы и благосклонны къ народу, другія враждебны ему и злы. Но параллельно съ ихъ идеальной градаціей растетъ и другая, обрядная, внѣшняя сторона народнаго отношенія къ нимъ и поклоненія имъ, или, иначе, то, что мы называемъ *культъмъ*.

«Святое мѣсто — говоритъ Спенсеръ — искони начиналось тамъ, гдѣ покоятся мертвые, и гдѣ ихъ души, какъ полагаютъ, приходятъ ихъ навѣщать. Пещера, служащая имъ могилой, домъ, укрывающій ихъ, или другое мѣсто упокоенія, обращается въ храмъ, а то, на что кладутъ приношенія, становится жертвенникомъ и алтаремъ. Пища, питье и другіе дары превращаются въ жертвы и возліянія. Посты, вначалѣ не больше какъ похоронный обрядъ, обращаются въ религіозный обычай. Хвалы, воспѣваемые умершимъ при ихъ погребеніи, а впослѣдствіи при повторяемыхъ въ честь ихъ тризнахъ, переходятъ въ молитвенныя славословія, составляющія одинъ изъ главныхъ обрядовъ богослуженія. Взыванія къ мертвому, у котораго просятъ благословенія, помощи и защиты отъ бѣдъ, пріобрѣтаютъ смыслъ молитвъ, обращенныхъ съ тою же цѣлію къ божеству.... Изъ этихъ простыхъ началъ проистекаютъ всѣ формы богослуженія» *).

Но каковы бы ни были эти формы, первымъ театромъ, на сценѣ котораго онѣ зарождаются и растутъ, служить то дѣло рукъ человѣческихъ, которое, начинаясь съ простаго навѣса, устроеннаго надъ трупомъ, обращается мало-по-малу въ капіще, или въ храмъ. Понятно поэтому, что священное зданіе изукрашивалось предпочтительно передъ всякимъ другимъ произ-

*) Herbert Spencer, *Principles of Sociology*. Vol. I, 2 Edition. 1877 pg. 301—446. Выводы Спенсера и другихъ, на которые мы здѣсь ссылаемся, основаны вполнѣ на свидѣтельствахъ путешественниковъ и миссіонеровъ о бытѣ и правахъ дикихъ или полудикихъ племенъ, до которыхъ еще не коснулись ни свѣтъ христіанской вѣры, ни наша цивилизація. Нужно ли пояснять, что матеріалъ этотъ, по своему исключительно этнографическому характеру, чуждъ всякаго отношенія къ священной исторіи?

веденіемъ человѣческаго искусства. Между простыми орнаментами, внутри и снаружи его, мы видимъ однако уже съ древнѣйшихъ временъ графическія или скульптурныя изображенія. Сначала они лишены самостоятельнаго значенія; но такъ какъ зданіе, которое они украшаютъ, имѣетъ прежде всего священный смыслъ, то и фигуры эти, кромѣ орнаментальнаго своего характера, пріобрѣтаютъ мало-по-малу еще значеніе образовъ, говорящихъ взору людей о чемъ-нибудь, связанномъ съ ихъ религіознымъ міровоззрѣніемъ. Поэтому мы находимъ, на первомъ планѣ среди нихъ, изображенія самого умершаго или чего-либо близко съ нимъ связаннаго, чего-либо напоминающаго то особенное значеніе, которое онъ сохранилъ, или, какъ это нерѣдко случается, пріобрѣлъ по смерти для своего семейства и для народа. А такъ какъ значеніе это, въ связи съ таинственными разсказами о роли его въ невидимомъ мірѣ и въ сонмѣ духовъ, съ вѣками растетъ, сообщая умершему, въ глазахъ отдаленныхъ его потомковъ или почитателей, божественный ореолъ, то и фигуры, наглядно о немъ говорящія, пріобрѣтаютъ мифологическій смыслъ.

Таковъ переходъ отъ младенчески-простодушнаго, но понятнаго намъ культа предковъ къ культу пластическихъ изображеній, которымъ усвоенъ божественный смыслъ. Въ глазахъ людей развитыхъ, но забывшихъ младенческой періодъ интеллектуальной своей жизни и важную роль, какую игралъ въ немъ символъ, онъ можетъ казаться чудовищнымъ шагомъ назадъ, погружающимъ цѣлые племена и народы въ потемки грубѣйшаго суевѣрія. Но иначе представится намъ этотъ шагъ, если мы вспомнимъ дѣтство свое и ту важность, какую имѣли для насъ въ ту пору нѣкоторыя вещи, потомъ потерявшія въ нашихъ глазахъ свой прежній серьезный смыслъ.

«Очень немногіе изъ числа образованныхъ европейцевъ—говорилъ Тэйлоръ ¹⁾—даютъ себѣ ясный отчетъ, что и они когда-то сами прошли то состояніе мысли, изъ котораго племена на нисшей ступени цивилизаціи никогда не выходятъ вполне; а между тѣмъ это—фактъ, и дитя въ европейской семьѣ, играющее со своею куклой, даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію нѣкоторыхъ интеллектуальныхъ феноменовъ, отличающихъ высоко-развитыя расы отъ дикарей. Когда ребенокъ играетъ куклою или другой игрушкой, то эта послѣдняя служитъ обыкновенно мысли его

¹⁾ E. Tylor, *Reseaches into the iarly history of Mankind*, Ch. VI. *Images and names*.

представительницею какого-нибудь воображаемого предмета, съ которымъ она имѣетъ болѣе или менѣе сходства. Въ деревянныхъ солдатикахъ, напимѣръ, или въ звѣряхъ изъ Ноева ковчега, всякій сразу можетъ настоящихъ узнать звѣрей и солдатъ, и все, что требуется со стороны ребенка, это—вообразить ихъ живыми и большими по росту, да представить себѣ, что они движутся сами собой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ надо переставлять. Но ребенокъ съ живымъ воображеніемъ удовольствовался бы и меньшимъ. Онъ могъ бы придать имъ гораздо болѣе своего, субъективнаго, могъ бы легко, напимѣръ, заставить собаку служить вмѣсто лошади, или солдата за пастуха, до такой степени, что наконецъ реальное сходство могло бы совсѣмъ улетучиться, и, напимѣръ, щепка, спущенная на ниточкѣ, изображала бы для него корабль на морѣ, или карету въ дорогѣ. Тутъ уже сходство щепки съ каретой или кораблемъ дѣйствительно очень слабо; но все-таки это—предметъ, который можно заставить двигаться, куда нужно, и поставить на должное мѣсто между другими. Нужды нѣтъ, что онъ не похожъ на то, что дитя, въ своихъ мысляхъ, легко представляетъ себѣ подъ нимъ: онъ все-таки отвѣчаетъ цѣли—служить пособіемъ для ребенка, которому онъ помогаетъ распредѣлить и обособить свои идеи, продѣлывая съ предметами и воображаемыми ихъ дѣйствіями какую-нибудь знакомую или вымышленную исторію съ цѣлымъ рядомъ событій и сценъ. А много ли помогаетъ ему приэтомъ реальный предметъ, приводящій въ движеніе его мысль, въ томъ легко убѣдиться, отнявъ его у ребенка и предоставивъ ему играть съ пустыми руками..... Въ раннюю пору, игра развиваетъ дѣтей гораздо больше ученія, и польза игрушекъ для нихъ велика, ибо онѣ даютъ ребенку возможность, такъ сказать, разобрать на части знакомую ему сцену или событіе и составить потомъ изъ частей этихъ новыя комбинаціи—упражненіе, неизмѣримо усиливающее въ его головѣ опредѣленность идей и способность мысли къ анализу. Поэтому, тщательно выдѣланныя во всѣхъ деталяхъ фигурки и цѣлыя бытовые сцены, которыми нынче полны игрушечные магазины, оказываются на дѣлѣ такъ бесполезны. Все, до послѣдней мелочи, въ нихъ налицо и исполнено очень вѣрно съ дѣйствительностью; но это--модели, а не игрушки, и дѣтямъ, которыя знаютъ отлично, чего имъ нужно, онѣ очень скоро надоѣдаютъ. Что нужно ребенку—это совсѣмъ не одна какая-нибудь картинка, а средство составить себѣ ихъ тысячу. Реальное знаніе, какое способны дать ему всѣ эти игрушечныя хозяйства, домики съ пол-

ною бытовой обстановкой, онъ можетъ пріобрѣсти и безъ нихъ, непосредственнымъ наблюденіемъ, а игрушки, чтобы служить для цѣлей ранняго воспитанія, должны быть отдѣльными, дабы изъ нихъ можно было составить какъ можно больше разнообразныхъ комбинацій; онѣ не должны быть слишкомъ детальными воспроизведеніями изображаемыхъ ими вещей, дабы могли служить не рабскимъ сколкомъ съ нихъ, а символами, способными, при помощи воображенія, служить представителями большаго числа предметовъ».

«Нѣчто весьма похожее—говоритъ далѣе Тэйлоръ—представляетъ намъ и умственная жизнь человѣка на нисшей ступени цивилизаціи. Идолъ для дикаря, въ извѣстной сферѣ мышленія, отвѣчаетъ той же потребности, какъ и подобіе его, кукла, въ рукахъ ребенка. Онъ помогаетъ ему придавать опредѣленный смыслъ и личность иначе неосязаемой для него идеѣ о высшемъ существѣ, которую его мысль едва способна обнять безъ какой-нибудь материальной точки опоры. Какимъ путемъ родятся такія идеи—это другой вопросъ, а здѣсь довольно сказать, что, поскольку мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, онѣ существуютъ вездѣ, по крайней мѣрѣ въ элементарной и неразвитой степени».

Но откуда берутся образы, ихъ воплощающіе?

Спенсеръ приводитъ множество фактовъ, свидѣтельствующихъ, что балъзамированный, или иначе какъ-нибудь сохраненный трупъ покойника, и затѣмъ, если онъ почему-нибудь сокрытъ отъ взора, грубо выполненное изъ глины или изъ камня его подобіе на могилѣ, сплошь и рядомъ являются первымъ шагомъ въ прогрессѣ развитія этого рода богослуженія. Но для насъ интереснѣе общій, психологическій путь, и вотъ что мы находимъ о немъ у Тэйлора:

«Грубость и неотесанность истукановъ—говоритъ онъ,—служащихъ идолами у многихъ, и даже далеко не самыхъ низко развитыхъ племенъ, по истинѣ изумительна. Въ большинствѣ случаевъ есть однако предѣлъ безформенности кумира, въ которомъ видятъ подобіе человѣческихъ формъ, и это—тотъ же предѣлъ, какого дитя безсознательно требуетъ отъ предмета, служащаго ему куклой. Именно нужно, чтобы его относительная длина, ширина и толщина отвѣчали хоть сколько-нибудь обыкновеннымъ пропорціямъ тѣла. Продолговатый брусокъ, или мотовилка, поставленные на землю стоймя, или положенные плашмя, достаточны, чтобы ребенокъ могъ вообразить

себѣ подѣ ними стоящихъ или лежащихъ людей; но кубѣ, или шарѣ, не годятся уже для этого».

«Почти такой же критеріумъ существуетъ у дикарей. Мы всѣ, хотя и въ различной степени, одарены пластическою способностью, всматриваясь въ неодушевленные вещи, видѣтъ въ нихъ формы людей и животныхъ, и сходство этихъ послѣднихъ съ случайными очертаніями вещей, напоминающихъ намъ о нихъ, дѣйствительно иногда бываетъ разительнымъ. Но гораздо чаще оно такъ слабо, что мы дополняемъ его въ воображеніи, иногда же оно не простирается далѣе нѣкотораго грубаго подобія въ пропорціяхъ длины и поперечника. Однако даже и въ этой, повидимому ничтожной степени, оно заставляетъ фантазію играть, и миѣны, построенные на немъ, такъ многочисленны, что мы ихъ находимъ всюду, во всѣхъ частяхъ свѣта и между народами, часто стоящими далеко другъ отъ друга на ступеняхъ цивилизаціи».

«Такъ, напримѣръ, фигура плачущей, обращенной въ скалу Ніобеи видна на горѣ Сипилѣ. Грубые поясные болваны въ степяхъ Средней Азіи (извѣстные и у насъ, въ Россіи, подѣ именемъ Каменныхъ Бабъ) боготворятся кочевниками. Въ группахъ стоячихъ камней, сооруженныхъ древними обитателями Африки и Индіи, туземцы и нынѣ думаютъ видѣтъ гигантовъ съ ихъ стадами, обращенныхъ въ камень. Улицы монолитовъ въ Карнакѣ — это окаменѣлые батальоны. Круги каменьева на побережныхъ равнинахъ Англіи служили тоже источникомъ странныхъ легендъ, каково напр. сказаніе, сложившееся вѣроятно во времена пуританскаго аскетизма, объ одномъ изъ такихъ круговъ, что это — хороводъ дѣвушекъ, превращенныхъ въ камень за то, что онѣ плясали въ воскресный день. Высшія одушевленные существа, какія извѣстны намъ, суть люди, а потому, естественно, идола большею частью должны были представлять болѣе или менѣе грубое воспроизведеніе человѣческихъ формъ. Стараясь чѣмъ-нибудь выразить, что существа, изображенные такимъ образомъ, гораздо могущественнѣе и выше людей, имъ придавали часто громадный ростъ, а иногда надѣляли ихъ нѣсколькими головами и нѣсколькими парами рукъ и ногъ — простодушный намекъ, что они гораздо мудрѣе, сильнѣе или быстрѣе людей. Солнце и мѣсяцъ, въ которыхъ дикіе думаютъ видѣтъ нерѣдко одушевленные существа, имѣли тоже свои пластическія олицетворенія. Даже истуканы животныхъ пользуются нерѣдко честию служить изображеніемъ сверхестественныхъ силъ, и это не должно

удивлять насъ, если мы примемъ въ соображеніе, что дикарь отнюдь не считаетъ животныхъ стоящими такъ далеко ниже его, какъ человѣкъ цивилизованный, а напротивъ приписываетъ имъ даръ слова и до извѣстной степени душу. Мало того, по мнѣнію дикаря, иныя животныя одарены отъ природы способностями, которыхъ люди или совсѣмъ не находятъ въ себѣ, или находятъ лишь въ слабой степени, и такія способности, въ дѣтскомъ міровоззрѣніи дикаря, приписываются часто богамъ, вслѣдствіе этого и олицетворяемымъ въ видѣ животныхъ, или, иначе, въ образѣ человѣка, которому приданы части животныхъ формъ. Такъ, ноги оленя, львиная голова, или крылья птицы, являются символическимъ изображеніемъ быстроты на бѣгу, или свирѣпости бога, или же его способности парить въ небесахъ, а на примѣръ, козлиныя ноги Пана могутъ служить намекомъ на дѣятельность его и характеръ. Но есть извѣстный процессъ человѣческаго мышленія, путемъ котораго, въ племенахъ, стоящихъ на низкомъ уровнѣ умственнаго развитія, пластическія изображенія дѣлаются нерѣдко предметомъ грубѣйшаго суевѣрія. Человѣкъ, на такомъ уровнѣ, склоненъ вѣрить, что между предметомъ и его образомъ есть реальная связь, независимая отъ субъективнаго ихъ сочетанія въ представленіи—сочетанія, о которомъ онъ не даетъ себѣ никакого отчета. Отсюда недалеко до положительнаго смѣшенія образа съ тѣмъ, что онъ долженъ изображать. Послѣдствія хорошо извѣстны. Могуущественная потребность для мысли, на первыхъ ея шагахъ, въ матерьяльной опорѣ для религіознаго чувства, вмѣстѣ съ безсиліемъ дикаря отдѣлить, въ своемъ разумѣ, форму вещей отъ реальной ихъ сущности, порождала во всѣхъ странахъ свѣта и чуть-ли не во всѣ періоды исторіи цѣлый міръ фетишей и идоловъ, по убѣжденію грубой толпы одаренныхъ самостоятельной жизнію и сверхестественной силой. Есть однако положительные свидѣтельства, что разумные люди, даже и между низшими племенами, не раздѣляютъ общаго заблужденія. Съ другой стороны, какъ извѣстно, и въ цивилизованномъ мірѣ масса неразвитыхъ людей далеко невездѣ свободна отъ вѣры въ живую, реальную связь образа съ изображеннымъ существомъ и въ чудесную силу перваго.»

Слабость мысли и необузданная свобода фантазіи, обряды богослуженія и потребность въ вещественной точкѣ опоры для религіозныхъ идей, разумъ и заблужденіе, вѣра и суевѣріе,—все такимъ образомъ соединилось въ дѣйствѣ народовъ, чтобы сдѣ-

латъ символъ однимъ изъ самыхъ раннихъ двигателей на пути зарожденія и развитія пластическаго искусства.

III.

Но, по мѣрѣ того, какъ мысль человѣка зрѣла, и отношенія ея къ внѣшней дѣйствительности становились сложнѣе, опредѣленнѣе и устойчивѣе, тѣ созданія ея, которыя прежде нуждались въ грубой вещественной точкѣ опоры, какъ хромоу нуждается въ костылѣ, нашли себѣ выраженіе на другомъ, кратчайшемъ пути. Его открыла и проложила другая, еще гораздо болѣе неотложная и могущественная потребность — потребность общенія и раздѣла между людьми въ минуты особенно-страстнаго настроенія ихъ души. Въ основѣ ея однако лежали все тотъ же избытокъ творческой силы и тотъ же инстинктъ, заставлявшій людей искать общенія и поддержки въ стремленіи ихъ создать, устроить и заселить ихъ внутренній міръ. Потребность эта на первыхъ порахъ была безсознательна, но тѣмъ могущественнѣе былъ зовъ ея. И вотъ, изъ глубины души человѣческой вырвался на нее невольный отвѣтъ. Это — страстная рѣчь и пѣвучій, измѣнчивый, то заунывный, то радостный и торжественный ея тонъ, сопровождаемый часто не менѣе страстной жестикуляціей. Исконная форма ея — это *народная тѣнь*, сопровождаемая нерѣдко пляской. Слова ея просты, но выразительны, а напѣвы не выдуманы. Чуткое ухо пѣвца улавливаетъ ихъ вокругъ себя, въ дѣйствительной жизни. Это — пѣвучій голосъ матери, убаюкивающей ребенка, или молитва вдовы, или радость и ликованіе тысячеустной толпы побѣдителей, или же жалоба оторваннаго навѣкъ отъ родины и семьи раба, а нерѣдко и тѣ, и другіе таинственные напѣвы, которыми окружающая природа будить въ груди прислушивающагося къ ея голосу человѣка согласное настроеніе.

«Древнѣйшею пѣсней у римлянъ — говоритъ Моммзенъ — слыла та, которую листья, въ зеленомъ уединеніи лѣса, поютъ про себя. Получившіе свыше даръ подслушивать, что шепчетъ и напѣваетъ въ дубравѣ *благоклонный духъ* (*Favus*, отъ *favere*, *благоволишь*), повторяютъ это впослѣдствіи людямъ рифмически-размѣренной рѣчью (*Casmen*, позднѣе *carmen*, отъ *canere* — пѣть).

Въ народѣ на этихъ вѣщихъ пѣвцовъ смотрѣли какъ на затронутыхъ богомъ мужей и женъ (*Vates*)¹⁾.»

На этомъ исконно-общемъ фонѣ народной пѣсни съ древнѣйшихъ временъ обозначаются уже явственно разные типы душевнаго настроенія, основные мотивы котораго, хотя нерѣдко и слитые въ одинъ общій потокъ, никогда не теряютъ своей характерной окраски. Слабѣйшій изъ нихъ по силѣ страсти, но вмѣстѣ и самый богатый по разнообразію содержанія, это—типъ *бытовой*. Сюда относятся прежде всего любовныя пѣсни; далѣе—свадебныя, похоронныя, колыбельныя, праздничныя или застольныя, плясовые, хвалебныя и хулебныя, — даже насмѣшливыя. А самый могущественный, но вмѣстѣ и самый однообразный изъ всѣхъ, это—типъ *религіозный*. Хвалебные гимны, молебствія, покаянія, заклинанія, посвященія и обѣты—все окрашено въ немъ однимъ, настолько преобладающимъ, тономъ душевнаго настроенія, что оттѣнки большею частью лишены самостоятельнаго значенія. Позднѣйшій и, въ зрѣломъ періодѣ своего развитія, стоящій уже на порогѣ исторіи, это—*эпическій* или *героическій* типъ, который однако въ раннюю пору рѣдко свободенъ отъ религіозной окраски и съ нею пріобрѣтаетъ смѣшанный, *легендарный характеръ*.

Общее имя, усвоенное всѣмъ этимъ типамъ у грековъ, правда, захватываетъ гораздо болѣе зрѣло развитую и обширную сферу того же явленія; но первымъ росткомъ, изъ котораго оно разрастается въ мощно-вѣтвистое дерево, всегда и вездѣ была *народная пѣснь*. Общій характеръ понятія, связаннаго первоначально у грековъ съ словомъ *Поэзія* (отъ *Poiesiv*) это—«созданіе» или «произведеніе»; но и у нихъ оно рано усвоено было собственно творчеству слова, или, точнѣе, *вымыслу*. Это не слѣдуетъ понимать однако буквально, въ смыслѣ умышленной выдумки какой-нибудь небывальщины, хотя иные изъ вымысловъ первобытной поэзіи и могутъ, повидимому, имѣть для насъ этотъ смыслъ. Но слѣдуетъ помнить, что многое въ жизни, какъ понималъ ее человѣкъ въ тѣ древнія времена, было весьма далеко отъ нашего, современнаго пониманія. Цѣлыя области натуральныхъ явленій были покрыты глубокимъ мракомъ, въ который не проникъ еще ни одинъ лучъ знанія, а въ причинной связи, даже и между обыденными, хорошо знакомыми человѣку фактами, существовали пробѣлы, выполнявшіеся, безъ задней мысли, ребячески необузданною фантазіей. Область

¹⁾ *Римская исторія*, Т. Моммзена. Томъ I, часть I ая. Изданіе Солдатенкова, стр. 207.

вѣры въ особенности полна была тѣмъ, что мы теперь называемъ мифами, но что въ глазахъ вѣрующихъ людей, впервые пустившихъ ихъ въ ходъ, отнюдь не имѣло такого значенія. Поэтому общій смыслъ *поэзи*, какъ онъ опредѣлился впервые у грековъ, дѣлаетъ честь ихъ трезвому разумѣнію, особенно если принять во вниманіе, что не было, можетъ быть, въ мірѣ народа, болѣе ихъ склоннаго къ баснословію. Ясно, что, создавая свой безконечно обширный и пестрый мифологическій міръ, они до извѣстной степени понимали характеръ этого рода творчества и, отмѣтивъ его широкой чертою *вымысла*, не находили однако же въ этомъ вымыслѣ ничего принципиально-враждебнаго истинѣ. Такъ понимаемъ дѣло по существу и мы, ихъ наслѣдники. Мы называемъ вымысломъ романъ и драму, вовсе не разумѣя подъ этимъ, чтобы главное и существенное въ ихъ содержаніи было сочинено. Живые, хорошо знакомые намъ въ дѣйствительной жизни характеры должны быть изображаемы въ нихъ, и даже событія, въ ходѣ которыхъ характеры эти обнаруживаются, хотя бы данная комбинація ихъ и никогда не случилась въ дѣйствительности, должны быть возможны, и возможность эта должна быть изъ тѣхъ, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, часто осуществляются. Разница только въ томъ, что, съ точки зрѣнія древнихъ, многое, ставшее въ нашихъ глазахъ уже давно совсѣмъ несбыточнымъ, для нихъ казалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, причемъ на первомъ планѣ стояло вмѣшательство боговъ въ событія человѣческой жизни. Замыслы, рѣчи, дѣла и все вообще, что въ жизни людей имѣетъ важныя, роковыя послѣдствія, приписывалось въ ту пору, даже умнѣйшими изъ людей, божественному внушенію, и это послѣднее представлялось столь натуральнымъ, что никому и на мысль не могло прійти считать подобное объясненіе баснословіемъ. Что касается до насъ, то мы имѣемъ свои раціональныя основанія придавать ему очень серьезный смыслъ, ибо видимъ здѣсь естественный путь, которымъ у древнихъ рождались и выросли ихъ героическіе и религіозные идеалы.

Роль, какую приэтомъ играла *народная тѣснь*, была громадная, такъ какъ она была по истинѣ общая колыбель всѣхъ идеаловъ, какіе легли въ основаніе не только поэзіи древнихъ народовъ, но и всего ихъ міровоззрѣнія. И вотъ, наконецъ, уже въ историческую эпоху, въ ряду ихъ созрѣлъ, однимъ изъ послѣднихъ, *пластическій идеалъ*. Это былъ уже не условный веществен-

ный знакъ, не символъ туманнаго представленія о невидимомъ существѣ, а идеальное воплощеніе въ человѣческомъ образѣ, съ одной стороны, божества, а съ другой—недорослаго до него, но тѣмъ не менѣе близкаго къ божеству и считавшагося нерѣдко даже въ родствѣ съ нимъ, богоподобнаго человѣка. Первыя, скользія и измѣнчивыя, хотя и яркія, очертанія обоихъ создавались вездѣ поэзіей; но далеко не вездѣ другое, позже ея созрѣвшее искусство, *искусство пластическое*, успѣло ихъ воплотить. Скульптура у нѣкоторыхъ изъ древнихъ народовъ, хотя и достигла, въ техническомъ отношеніи, до извѣстной степени зрѣлости, однако памятники ея не говорятъ намъ почти ничего объ ихъ нравственной жизни, и только у трехъ народовъ, да и то далеко не въ равной мѣрѣ, она даетъ намъ понятіе о священномъ и героическомъ ихъ идеалѣ. Скажемъ о нихъ нѣсколько словъ и упомянемъ еще объ одномъ, обладавшемъ высокими религіозными идеалами, но совершенно нищимъ по части пластическаго искусства. Имѣли его, и притомъ въ высокой степени, три народа: египтяне, индійцы и греки, а вовсе отсутствуетъ оно у евреевъ, не смотря на высокій полетъ ихъ священной поэзіи.

IV.

Строй религіозной и политической жизни у египтянъ имѣлъ одну весьма замѣчательную черту, которая тѣмъ поразительнѣе, что мы совсѣмъ не находимъ ея у другихъ народовъ. Это—великая стойкость. На такомъ разстояніи времени, о которомъ исторія можетъ составить себѣ лишь смутное представленіе, государство Египетъ имѣло уже, на сколько мы можемъ судить, ту самую политическую организацію, какую застали въ немъ, въ концѣ его существованія, греки. Могущественное самодержавіе, опирающееся на касты жрецовъ и воиновъ, тысячелѣтнія династіи, изрѣдка озаренныя громкой военной славой, глубоко-покорный и вообще довольный своею судьбою народъ; хлѣбопашество, процвѣтающее благодаря естественнымъ, необычайно счастливымъ, условіямъ орошенія и удобренія почвы; вѣра, основанная на поклоненіи постоянно благопріятнымъ для человѣка силамъ природы, изрѣдка, и въ минуты заслуженнаго негодованія, посѣщающимъ грѣшный народъ, въ видѣ страшныхъ бичей—голода, мора и саранчи; вѣрная память и безконечныя попеченія о судьбѣ умершихъ и, наконецъ, колоссальные памятники архитектуры съ служащею ей украшеніемъ и ей под-

чиненной скульптурой, грандіозныя, мощно-спокойныя формы которой и мастерство исполненія свидѣтельствуя о неутомимомъ, дружномъ трудѣ, соединенномъ съ высокою техникой,—все это, хотя нынче и не интересуется насъ, какъ интересовало еще недавно, приманкою мнимыхъ, глубоко-сокрытыхъ тайнъ, если и не приводитъ въ восторгъ, то несомнѣнно внушаетъ къ себѣ уваженіе. Въ политикѣ, это — высшее воплощеніе консервативнаго идеала, которому нѣтъ другаго примѣра на свѣтѣ. Въ теченіе неогляднаго ряда вѣковъ, Египетъ остался, въ сущности, почти тѣмъ же, чѣмъ онъ и былъ, и если въ послѣднюю тысячу лѣтъ это прочное зданіе рушилось, то причина тому была, очевидно, не въ немъ самомъ, а въ несчетныхъ ударахъ, которые наносились ему извнѣ. Въ религіи, мы видимъ тѣ же династіи олицетворенныхъ силъ природы, съ той же неограниченной и безсмѣнной властью надъ людьми, и культъ, устремленный всецѣло къ тому, чтобы обезпечить умершимъ такое же внѣшнее, неподвижное и безбѣдное существованіе, какимъ они пользовались при жизни,—слѣдовательно тотъ же консерватизмъ и тотъ же могучій, несокрушимый, гранитный устой, въ которомъ, съ другой стороны, нельзя не признать застоя. Въ искусствѣ — пластическій идеалъ здоровой и сильной расы, въ которомъ духъ человѣческій какъ-будто бы силился сбросить съ себя оковы животной природы, но не успѣлъ еще сдѣлать послѣдняго шага, а потому остался безличенъ. Здѣсь—каменное спокойствіе тысячелѣтняго сна въ положеніи тѣла, въ чертахъ лица, и только едва мерцающая усмѣшка на чувственныхъ полныхъ губахъ, какъ-бы загадка, которая была задана Египту въ началѣ его существованія, надъ которою онъ задумался, но которой не рѣшилъ; аллеи и улицы колоссальныхъ фигуръ, и всѣ, какъ одна, что называется, ростъ въ ростъ, волосъ въ голосъ и голосъ въ голосъ; барельефы, имѣющіе смыслъ надписей, и настоящія надписи на старинномъ, варварски-символическомъ письменномъ языкѣ, напоминающемъ наши ребусы,—языкъ, который служилъ колодкамъ умственному движенію, и которому были нужны десятки строкъ, съ процессіями окаменѣлыхъ фигуръ, чтобы передать какое-нибудь одно, простое имя. А между тѣмъ, народъ имѣлъ и другую, гораздо болѣе совершенную, письменность; но она служила для обыденныхъ цѣлей и оставалась у высшихъ классовъ въ презрѣніи. Ясно, что, при такихъ условіяхъ, невозможны были ни памятники поэзіи, ни преемственная наука; ясно также и то, что въ нихъ и не нуждались.

Совсѣмъ другую картину находимъ мы въ Индіи. Ни въ политическомъ, ни въ этнографическомъ, ни въ религіозномъ смыслѣ, Индія никогда не составляла цѣлаго. Въ политическомъ отношеніи, это былъ постоянный театр иноплеменныхъ вторженій и добыча несчетныхъ завоевателей, которые приходили, грабили, разоряли, селились, захватывали, что только могли захватить, устраивались, говорили, жили, молились посвоему. Мало того, если что и было въ этой землѣ постоянно, то это именно отсутствіе національной и политической связи между безчисленными слоями и группами населенія. Страшная рознь раздѣляла и раздѣляетъ тамъ до сихъ поръ людей одного говора и одной вѣры, живущихъ нерѣдко въ одномъ и томъ же городѣ, даже въ одномъ кварталѣ. Религія Индіи тоже весьма далека отъ какого-либо національнаго или государственнаго единства. Не говоря уже о такихъ противорѣчіяхъ, какъ исконная вѣра браминовъ и относительно новый буддизмъ, или пришлый, но тѣмъ не менѣе прочно-укоренившійся магометанизмъ, — въ самомъ браманствѣ нѣтъ общей и стройно-дифференцированной религіозной идеи. Безплотные философическіе абстракты мѣшаются въ немъ съ мифологическими олицетвореніями силъ природы и съ воплощеніями нравственныхъ принциповъ; строгій монотеизмъ уживается съ поэтическимъ многобожіемъ, и самая необузданная пантеистическая фантазія — съ самымъ сухимъ дуализмомъ. Въ итогѣ, браманскій Олимпъ далеко не представляетъ созерцанію вѣрующаго цѣльной и ясно определенной въ своихъ деталяхъ картины, и всѣ старанія установить въ немъ какое-нибудь догматическое единство, старанія касты, ревниво хранившей въ своихъ рукахъ ключи къ уразумѣнію религіозныхъ тайнъ, имѣли одинъ результатъ: къ безчисленной и нестройной толпѣ боговъ прибавилась необъятная масса, съ одной стороны, необузданно-фантастическихъ, съ другой, туманно-философическихъ толкованій, которыя вмѣстѣ только усилили мракъ. Но страннымъ, образомъ, между этими толкованіями мы находимъ мѣстами такіе глубокіе взгляды на строй мірозданія и на смыслъ божества, на роль середины между двумя мірами, принадлежащую человѣку, какихъ почти ни одинъ религіозный толкъ не представляетъ примѣра. Взгляды эти, конечно, облечены въ фантастическую оболочку; но въ тѣ отдаленныя времена, которымъ они принадлежатъ, и на той степени просвѣщенія, дальше которой индійцы, за ничтожными исключеніями, и до сихъ поръ не ушли, иначе и быть не могло. Довольно сказать, что даже наша, столь

чистая и простая вѣра минутами думала въ нихъ найдти отголо-сокъ своихъ идей.

Протестомъ противъ исконной вѣры браманской, какъ многобожія, былъ буддизмъ, основныя идеи котораго уже давно привлекаютъ мыслителей своей чистою глубиной. Но буддизмъ не ужился въ индійскомъ народѣ, пламенная фантазія котораго чувствовала себя, какъ птица въ клѣткѣ, на почвѣ этого раціональнаго, трезваго міровоззрѣнія, и ученіе это эмигрировало мало-помалу въ другіе края: въ Китай, Индо-Китай, Тибетъ, Монголію и Японію. Однако ни въ одномъ изъ этихъ новыхъ его отечествъ оно не могло быть понято въ духѣ его основателя, и глубокій внутренній смыслъ его былъ затерянъ; чистая жизнь, которую оно проповѣдывало, обратилась въ нищенско-монастырское тунеядство и въ тупую систему внѣшней обрядности.

Кромѣ того, у индусовъ была своя, высоко-развитая и вполне самостоятельная наука, съ созданіями которой мы не успѣли еще достаточно по достоинству ознакомиться, чтобы оцѣнить ихъ; но и то небольшое, что до сихъ поръ намъ доступно, внушаетъ невольное удивленіе къ даровитости этой древнѣйшей вѣтви аріискаго племени. Философія въ Индіи находилась, конечно, въ тѣсной связи съ религіознымъ міровоззрѣніемъ; но тѣмъ не менѣе, тамъ было шесть самостоятельныхъ философскихъ системъ, такъ что ни одинъ изъ древнихъ народовъ, за исключеніемъ грековъ, не представляетъ намъ ничего подобнаго. Тоже самое—и по другимъ отраслямъ знанія. Чистая математика у индусовъ впервые обогатилась алгеброй, изобрѣтеніе которой принадлежитъ не арабамъ, какъ думали прежде, а заимствовано послѣдними отъ ихъ юго-восточныхъ сосѣдей. Была тамъ и астрономія, сдѣлавшая давно шаги, до которыхъ потомъ доходили съ такимъ трудомъ въ Европѣ. Былъ высоко-развитый языкъ съ грамматикой и риторикой, и была разработанная система права. Только исторія, въ собственномъ смыслѣ, отсутствовала; да иначе и быть не могло въ народѣ, который не признавалъ себя никогда національною единицей. Съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ индіецъ принадлежалъ своей кастѣ, и внѣ ея никакая идея общественнаго союза не была ему знакома.

Но, не взирая на это, у индусовъ былъ свой грандіозный народный эпосъ и своя даже драма. Къ несчастію, та дѣйствительность, на почвѣ которой они успѣли создать свой поэтический идеалъ, такъ далека отъ насъ и такъ мало намъ знакома, что, въ цѣломъ, весь этотъ поэтический міръ производитъ на насъ впечатлѣніе какихъ-

то неуловимыхъ, волшебныхъ грезъ. Однако, сличая эту поэзію съ той, которую мы находимъ въ памятникахъ другихъ азійскихъ народовъ, нельзя не замѣтить глубокой разницы. Тамъ внутренній міръ человѣка или совсѣмъ закрытъ, и мы видимъ одни только внѣшніе идеалы физической красоты, богатства и власти, или, какъ у евреевъ, подавленъ и обезличенъ глубокимъ сознаніемъ своего ничтожества передъ лицомъ Божества. Совсѣмъ не то мы находимъ въ драмѣ и въ эпосѣ древней Индіи. Какъ ни далеко отъ насъ строй реальной дѣйствительности, ихъ породившей, какъ ни вычурно-баснословна миѳическая окраска событій, но, странно сказать, по своей мѣстами глубокой искренности и задушевной сердечности, человѣкъ, изображаемый въ нихъ, ближе къ намъ и понятнѣе, чѣмъ какой бы то ни было другой изъ древнихъ, не исключая даже и грека. Всматриваясь въ нравственныя его черты, мы инстинктивно чувствуемъ, что въ этомъ народѣ возможны были не только такіе феноменальные и стоящіе на высотѣ все-свѣтнаго идеала люди, какъ Сакія-Муни, но что и въ области чисто сердечной жизни они умѣли страдать и любить, даже мечтать понашему.

Но чего у индійцевъ не было, такъ это—сдержанности и чувства мѣры въ созданіи ихъ религіозныхъ и поэтическихъ идеаловъ. Образы ихъ боговъ и богинь, героевъ и героинь, при всемъ широко размахѣ фантазіи, ихъ породившей, расплывчаты и лишены устоя даже на ихъ идеальной почвѣ. Выдѣляясь изъ мрака, какъ грёзы, безъ всякаго отношенія къ внѣшней обстановкѣ, они сплошь и рядомъ уходятъ въ безмѣрное, т.-е. въ то, что, по законамъ обыкновеннаго сочетанія представленій, даже и вообразить себѣ невозможно. Отдѣльно взятые, впрочемъ, иные изъ нихъ, въ особенности же женскіе, не лишены замѣчательной красоты. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ браминъ несчастную Дамаянти, отысканную и узнанную имъ въ городѣ Шедди.

....«Тамъ во дворцѣ, на праздникѣ царскомъ,
Онъ Дамаянти увидѣлъ. Подлѣ царевны Сунаиды,
Въ платьѣ печальной вдовы, на лицѣ покрывало, близъ свѣтлой,
Радостной дѣвы, она тамъ стояла—жена безъ супруга,
Мрачно-скорбящая, тѣнь близъ свѣта, алмазь безъ сіянья,
День безъ солнца, краса, двойнымъ покровомъ отъ взоровъ
Сокрытая, чернымъ платьемъ и чернымъ горемъ. Увидя
Этотъ прекрасный, невидимо блещущій свѣтъ, догадался
Тотчасъ Судева, кто передъ нимъ. Про себя онъ подумалъ:
Тотъ же образъ я вижу, который столь сладостно свѣтель

Былъ въ то утро, когда всѣ земные цари и владыки,
 Съ ними и вѣчные боги, въ тревогѣ надежды, смиренно
 Ждали, кому изъ нихъ, благодатную руку подаетъ Дамаянти.
 Это—она, полногрудая, темно-кудрявая, райскимъ
 Блескомъ очей веселящая душу, любовь и утѣха
 Мира; она—молодая лилея, лишенная корня,
 Лотось, слоновой стопой сокрушенный, высокая въ низкомъ;
 Это—она, по супругѣ скорбящая, вмѣстѣ съ супругомъ
 Всю потерявшая жизнь, какъ источникъ нынѣ безводный,
 Нѣкогда быстро бѣжавшій, какъ лунная ночь по затмѣнн
 Полномъ луны, поглощенной внезапно небеснымъ дракономъ...» *).

Не взирая на всю несомнѣнную красоту этихъ уподобленій, они не даютъ намъ однако реальнаго образа женщины. Въ нихъ чувствуется что-то беспочвенное и улетученное. Образъ царицы не тяготѣетъ къ землѣ и не упирается въ нее твердо ногами, а словно парить въ какомъ-то неуловимомъ эфирѣ нѣжности и безпомощности. Силы, энергіи—никакой; индивидуальности—тоже. Двадцать красавицъ, очерченныхъ на подобный ладъ, будутъ всѣ такъ схожи между собою, что никакія усилія воображенія не помѣшаютъ имъ слиться въ одну. Въ индійскихъ изображеніяхъ божества, гдѣ уже требовались на первомъ планѣ энергія и могущество, недостатокъ этотъ еще замѣтнѣе. Боги индійцевъ не только отличаются отъ людей ростомъ, но еще больше и тѣмъ, что отъ нихъ на землѣ не ложится тѣни, что взоры ихъ неподвижны, и вѣки ихъ не мигаютъ, ноги ихъ не касаются до земли, на кожѣ не выступаетъ испарины и не садится пыли, что колесницы ихъ не гремятъ, не пылятъ. Но все это—отрицательныя черты, и ни одна изъ нихъ не способствуетъ воплощенію. Все, напротивъ, направлено прямо къ тому, чтобы сдѣлать божественный образъ какъ можно меньше похожимъ на человѣческій.

Понятно, какъ мало могъ дать такой поэтическій идеалъ какую-либо готовую точку опоры для пластики, дѣло которой всегда безмѣрно труднѣе. Въ поэзіи, впрочемъ, слабость индивидуальной характеристики далеко не такъ ощутительна, какъ въ скульптурѣ и въ живописи, ибо поэзія не прикована, какъ послѣдняя, къ изображенію человѣка въ данный моментъ, отдѣльно отъ обстановки его; и она достигаетъ все-таки своей цѣли, если она даетъ человѣку возможность выразить его внутренній міръ поступками и рѣчами. Но недостатокъ подобнаго рода не поправимъ и выходитъ наружу яв-

*) *Наль и Дамаянти*, въ переводѣ Жуковского.

ственно, если разъ поэтическій идеалъ становится достояніемъ и задачей plasticaго искусства, что мы и видимъ въ скульптурѣ Индіи. Образы, ею созданные, не лишены извѣстнаго рода мягкой и, такъ сказать, улетученной красоты. Но мы не находимъ въ нихъ даже той животной энергіи, которая составляетъ заслугу египетскихъ. Мускулатура едва намѣчена, и подъ нею не чувствуется костей. Тѣло не тяготѣетъ къ землѣ, и точка опоры его—гадательная. Боги и богини, герои и героини, если они не переходятъ прямо въ чудовищное, совершенно безличны; они были бы даже неотличаемы, если бы чисто внѣшніе атрибуты не служили для нихъ наглядной характеристикой. Слоновые, львиные, птичьи головы на человѣческомъ туловищѣ, или нѣсколько рукъ, глазъ, головъ, и проч.—все говоритъ о дѣтской беспомощности искусства тамъ, гдѣ ему приходилось осуществлять героическіе и религіозные идеалы. Ясно, что недостатокъ былъ коренной и лежалъ глубоко въ народномъ характерѣ. Его объясняютъ отчасти тѣмъ, что только третья каста, каста мастеровыхъ, давала художниковъ, которые были поэтому лишены преимущества высшаго образованія. Но недостатокъ этотъ нельзя отнести къ чисто внѣшнимъ препятствіямъ. «Нація—говоритъ Шназе *),—которая уважала такъ мало свободу личности въ политической жизни, что связывала ее, въ своихъ понятіяхъ, съ случайностями рожденія, не могла быть чуткою и въ искусствѣ къ характерно-индивидуальному. Если бы такая чуткость въ Индіи вообще не отсутствовала, то, конечно, и высшія касты не пренебрегали бы дѣломъ plasticaго искусства».

Въ далеко болѣе благопріятныхъ условіяхъ родилось и зрѣло искусство у грековъ. Прежде всего, ни нравственное, ни политическое, ни умственное ихъ развитіе не знакомы были съ мертвящимъ тормазомъ окаменѣлыхъ формъ религіознаго міровоззрѣнія, сложившихся у другихъ народовъ въ дѣтскій, доисторическій періодъ и ставшихъ потомъ неодолимымъ препятствіемъ на пути ихъ развитія. У грековъ, напротивъ, съ дѣтства и вплоть до разцвѣта всѣхъ силъ народнаго творчества, мы находимъ нѣчто, дотолѣ еще неслыханное въ исторіи: вѣру, безъ всякихъ претензій на деспотическое господство, покладливо передѣлывающую свои первоначально жесткіе идеалы по образцу гораздо болѣе подвижныхъ и чуткихъ къ нравственному прогрессу, трезвыхъ и осязательныхъ идеаловъ поэзіи. Терминъ: «классическій идеализмъ», для насъ, ра-

*) Dr. Carl Schnaase, *Geschichte der bildenden Künste bei den Alten.*

зумѣтся, связанъ со множествомъ самыхъ пестрыхъ мифологическихъ вымысловъ, и, конечно, все это чуждое, часто даже безвкусное для насъ баснословіе придаетъ поэзіи грековъ, понашему, фантастическій смыслъ. Не слѣдуетъ однако, забывать что то было время младенчески-необузданнаго полета фантазіи, тогда какъ мы, во всемъ, что касается поэтического созданія, стоимъ уже на порогѣ старости. Но если мы отведемъ глаза отъ этихъ игривыхъ узоровъ, то суть поэтического созданія у грековъ явится намъ въ своемъ настоящемъ, трезвомъ и глубоко реальномъ характерѣ. И реализмъ этотъ простирается такъ далеко, что даже боги Олимпа, всѣ безъ изъятія, носятъ его печать. Худо ли, хорошо ли—о грекахъ можно сказать безъ преувеличенія, что они сотворили себѣ боговъ по образу и подобию своему. Во всемъ олимпійскомъ семействѣ мы не найдемъ ничего подобнаго тѣмъ мистическимъ, бездонно-глубоко-задуманнымъ воплощеніямъ, какими такъ изобильна религія Индіи, не говоря уже о безплотномъ, наводящемъ ужасъ на самое смѣлое воображеніе своею неисповѣдимостью, грозномъ образѣ Іеговы у евреевъ. Всѣ олимпійцы, не исключая и ихъ самодержца, хотя и безсмертны, въ нравственномъ отношеніи не заключаютъ въ себѣ ничего по природѣ своей непостижимаго и безмѣрнаго. Это, конечно, поэтизированные, а потому до извѣстной степени идеальные, но, тѣмъ не менѣе, по своей основной идеѣ, доступные самому заурядному разумѣнію, типы людскихъ характеровъ; ихъ помыслы, побужденія, опредѣляющіе мотивы ихъ дѣйствій, мифическая исторія происхожденія, даже ихъ рѣчи и приключенія, ни на одинъ вершокъ не выше тѣхъ, которые греческій эпосъ приписываетъ своимъ земнымъ любимцамъ—царямъ и царицамъ, героямъ и героинямъ. Мудрость ихъ и предвидѣніе часто бываютъ обойдены не только равными имъ безсмертными, но и простыми людьми; кривые пути и уловки, къ которымъ они прибѣгаютъ, чтобы отвести глаза противникамъ и достигъ зачастую очень недальновидныхъ и, еще чаще, и мелко-самолюбивыхъ, узко-своекорыстныхъ цѣлей, напоминаютъ интриги и происки принцевъ крови въ эпоху какого-нибудь Людовика XIII и способны вызвать презрительную усмѣшку во всякомъ прямомъ и чистомъ душою человѣкѣ нашего времени. Но у нихъ есть одно несравненное качество, ставящее ихъ на недоступную высоту въ смыслѣ поэтическихъ созданій; это—живая цѣлостъ и, вѣрная съ головы до пятъ своей основной идеѣ, естественность воплощеннаго въ нихъ человѣческаго характера: ни единой черты въ пластическомъ ихъ очертаніи, ни единого слова, или поступка,

въ пѣсняхъ народнаго эпоса, выводящаго ихъ на сцену, въ которыхъ они, хоть на волосъ, не были бы вѣрны себѣ. И какъ ни дико звучать подъ-часъ для нашего уха тѣ басни, въ которыхъ поэзія заставляетъ ихъ играть роль, однако нравственные мотивы, руководящіе ихъ поступками, такъ натуральны, что мы не находимъ въ нихъ ни малѣйшей натяжки. Напомнимъ хотя-бы всѣмъ намъ извѣстную нить божественныхъ похожденій, которыя кончились знаменитой войной и разрушеніемъ Трои: споръ трехъ богинь на брачномъ пиру Пелея съ Ѳетидою, судъ Париса, такъ грубо оскорбившій Геру и Аѳину, награду, которую получилъ Парисъ отъ Киприды, соблазнъ и похищеніе изъ дому лакедемонскаго царя Менелая его супруги, дочери Зевса и Леды, и проч. Но этотъ образчикъ можетъ быть принятъ къ сердцу поклонниками *классическаго идеализма*, которые могутъ признать кощунствомъ наше сомнѣніе въ идеальной возвышенности этого, освященнаго временемъ и поэзіей, цикла легендъ. Поэтому мы приведемъ другое сказаніе.

Язону, въ его рискованномъ предпріятіи, необходима была помощь Медузы. Но какъ сдѣлать, чтобы эта волшебница взяла горячо его сторону? Проще всего, конечно, было бы, если бы она влюбилась въ героя. Такъ и рѣшили двѣ покровительницы его, Аѳина и Гера. И вотъ онѣ посѣщаютъ Киприду. Богиню эту онѣ застали въ ея олимпійскомъ чертогѣ, одну, такъ какъ мужъ ея отлучился на островъ Липару и занятъ былъ тамъ какой-то работою у себя на кузницѣ. Застали онѣ ее за туалетомъ, расчесывающую свои благоуханныя кудри. Увидѣвъ гостей, Киприда приподнялась и съ ласковыми привѣтствіями усадила ихъ возлѣ себя: «Чѣмъ я обязана столь высокой честью?»—спросила она съ своею обыкновенною очаровательною усмѣшкой.—«Я, младшая, которую вы удостоиваете такъ рѣдко вашими посѣщеніями». Тѣ повели издалика рѣчь о своемъ протѣжѣ: какой, молъ, достойный, доблестный мужъ, и въ какомъ теперь затрудненіи! Но хозяйка дома не вдругъ смекнула, чего имъ нужно. «Все, что во власти моей, богини — сказала она — будетъ охотно сдѣлано; но я не знаю, право, что я могу совершить своею безсильной рукою». «Ахъ, дорогая—съ усмѣшкою возразила ей Гера; — тутъ вовсе не нужно силы. Ты прикажи только сыну (Эроту), чтобы онъ постарался внушить волшебницѣ нѣжную страсть къ Язону». Въ отвѣтъ на это, Киприда стала имъ горько жаловаться на сына: «Такъ своеволенъ, такъ своеволенъ сталъ этотъ мальчишка, что, право, богини, я иногда теряю терпѣніе и готова съ-сердцовъ

изломать его лукъ и стрѣлы». Слегка помявшись, она уступила однако просьбамъ своихъ гостей и пошла отыскивать сына. Онъ былъ далеко, въ садахъ Громовержца, и занятъ былъ тамъ игрою въ кости съ своимъ пріятелемъ, Ганимедомъ, котораго шустрый мальчикъ успѣлъ уже обыграть. Завидѣвъ мать, онъ прикрылъ рукою воротъ рубашки, дабы она не замѣтила, что вся пазуха у него полна выигранныхъ костей. А товарищъ его сидѣлъ опечаленный неудачею и раздосадованный его насмѣшками. Поставивъ свою послѣднюю ставку, онъ проигралъ и ушелъ. Тогда Киприда взяла за подбородокъ сына и, зная его несговорчивый нравъ, прежде всего посулила ему прелестную, новую, дорогую игрушку: золотой мячикъ съ кольцами, который, если его подбросить вверхъ, будетъ летать по воздуху и сіять, какъ комета съ хвостомъ. Но за это онъ долженъ сперва исполнить ея желаніе и пустить свою стрѣлу въ сердце Медеи, чтобы она полюбила Язона... и т. д. (Аполлоній Родосскій, *Argonautica*). Скромнѣ этого, божество едва ли гдѣ-нибудь выходило на сцену искусства.

Но если эпическій идеалъ божества у грековъ, въ нравственномъ отношеніи, представляется намъ подъ-часъ буржуазнымъ, то ихъ герои задуманы въ этомъ смыслѣ гораздо строже. Возьмемъ, напримѣръ, Одиссея. Въ эпосѣ, посвященномъ ему, онъ представляетъ собою, разумѣется, безукоризненный, по понятіямъ того времени, экземпляръ человѣка. Опытный старый воинъ, стяжавшій себѣ безсмертную славу на полѣ брани, твердый въ бѣдствіяхъ, беззавѣтно преданный родинѣ и семейству, мужъ-любомецъ боговъ, онъ поразительно вѣренъ себѣ отъ начала до конца. И, не взирая на баснословную обстановку, повѣсть его походовъ въ сущности такъ проста, что по глубокому реализму концепціи не имѣетъ себѣ ничего подобного въ сказаніяхъ другихъ народовъ. Высокая простота народного быта въ тѣхъ уголкахъ, куда судьба заноситъ героя, дышетъ такою жизненной правдой, что даже на разстояніи приблизительно трехъ тысячъ лѣтъ, мы не находимъ въ ней ни одной черты утрированной, или неправдоподобной. Поэтому-то народный эпосъ Греціи и завѣщалъ такое неисчерпаемое наслѣдство выработавшейся гораздо позже его скульптурѣ. Типы, имъ созданные, прежде всего въ высшей степени человѣчны и уже по тому одному прекрасны. Но они, кромѣ того, ясны, умѣренны, сдержанны, осязательны до такой степени, что въ нихъ нѣтъ ничего безразличнаго и случайнаго, ни одной детали, которая не

гармонировала бы съ главнымъ характеромъ и не служила бы къ его окончательной обрисовкѣ во всей его жизненной полнотѣ. А между тѣмъ, портретной живописи въ томъ смыслѣ, какъ мы находимъ ее напримѣръ въ современномъ романѣ, въ греческомъ эпосѣ нѣтъ и слѣда. Тѣмъ не менѣе все, что онъ говоритъ о личности человека, такъ совершенно согласно между собою и даетъ такой вѣрный, даже въ пластическомъ смыслѣ, намекъ на характеръ лица, что это лицо сразу складывается и очерчивается въ нашемъ воображеніи, какъ живое. Поэтому-то великимъ художникамъ Греціи оставалось только найти среди живой, человѣческой натуры, ихъ окружавшей, нѣчто подходящее къ тому идеалу, который давно опредѣлился у нихъ въ душѣ, чтобы сказать себѣ: «вотъ, наконецъ, настоящая Гера», или «вотъ онъ, громовержецъ Зевсъ». Но путь технической подготовки былъ длиненъ, и нуженъ былъ истинно-эллинскій геній, чтобы дойти на немъ до такого высокаго совершенства.

Взглянемъ теперь назадъ, на пройденный путь. Послѣдовательные шаги пластическаго искусства въ доисторическую эпоху затеряны; но ихъ общее направленіе издали представляетъ одну непрерывную линію. Тысячелѣтіями, въ душѣ человѣческой происходила трудная и медленная работа. Человѣчество созидало свой внутренній міръ, на первыхъ порахъ бродя въ потемкахъ и ощупью, въ стремленіи уяснить и обособить свои младенческія идеи о чемъ-то иномъ, непохожемъ на строй его обыденной жизни; оно хваталось за все, что могло служить для него намекомъ и внѣшнею точкой опоры. *Вѣра* руководила его на этомъ пути, и прообразомъ вѣры, во внѣшней жизни, долгое время былъ *символъ*, т.-е. подобіе, большею частью воображаемое, условное, но именно потому просторное и не стѣснявшее почти ничѣмъ работу внутренняго созиданія. Затѣмъ, когда этотъ внутренній міръ уже заселился, и содержаніе его стало хватать человека за сердце, стало тревожить и волновать его, мощное волшебство *поэзіи*, съ ея страшною, музыкальною рѣчью, внесло свой духовный свѣтъ и свою животворную теплоту въ новосозданный міръ и озарило въ немъ первыя, смутныя еще, воплощенія божества и богоподобнаго человѣчества. Эти-то идеалы, опредѣляясь мало-по-малу въ своихъ очертаніяхъ, и сіяли истинной путеводной звѣздой на пути пластическаго искусства. Но дальше того, что они въ состояніи были издали указать и намѣтить, пластическое искусство нигдѣ не пошло, и высшей его за-

дачею въ древности была индивидуализація, т.-е. возможно полное воплощеніе идеаловъ эпической и священной поэзіи.

На этомъ мы здѣсь остановимся. Дальнѣйшіе пути искусства и новые его двигатели будутъ предметомъ особой нашей статьи.

